

С ВЕРОЙ В РАЗУМ ЧЕЛОВЕКА

Йордан Радичков — один из самых видных мастеров современной болгарской прозы. Советский читатель знаком с его романами «Все и никто», «Праща», сборниками рассказов «Пороховой букварь» и «Воспоминания о лошадах». В 1969 году за цикл рассказов «Пороховой букварь» писателю присуждена Димитровская премия.

Йордан Радичков — известный драматург. Его перу принадлежат пьесы «Суматоха», «Лазарица», «Попытка полета», «Корзины». Они постоянно входят в репертуар болгарских театров, многие из них с успехом идут на сценах Чехословакии, Польши, Финляндии, США, Ирландии. Произведения

писателя переведены на 17 языков.

Йордан Радичков — член Болгарского национального комитета защиты мира. Он входит в состав партийного бюро Союза болгарских писателей.

Его часто сравнивают с Фолкнером, может быть, потому, что так же, как и американский писатель, он поселил своих героев на маленьком клочке земли. Однако, несмотря на то, что место действия никогда не меняется, каждая новая книга его не похожа на предыдущую. У читателей его новые романы, новеллы, повести, рассказы вызывают горячий отклик, подчас вокруг его книг разгораются жаркие споры.

Критики утверждают, что в самой природе таланта этого писателя лежит парадокс. Он может заставить читателя поверить в самые невероятные вещи. Например, ему ничего не стоит остановить посреди оживленной городской улицы задумавшуюся о чем-то лошада, впустить в комнату лодку с якутом из Чурапчанской тайги, у дверей своей квартиры поставить на караул солдата петровской эпохи, найденного в тундре в слое вечной мерзлоты. Цыганки у него оборачиваются порхающими бабочками, а хромой железнодорожник — чертом. Он способен завести вас в лабиринт самой сложной интриги, а потом бросить, предоставляя самому выпутываться и придумывать любой конец, проливать слезы и смеяться при чтении одной и той же страницы.

Когда в нашем доме появились книги Йордана Радичкова, где под автографами резвились смешные носатые человечки — наброски, сделанные его рукой, я решила позвонить писателю. Так я оказалась у него в гостях, в доме на улице Обориште.

Светлая, просторная комната. На стенах — картины друзей, известных болгарских художников Дечко Узунова, Светлана Русева. Выразительно написан Иваном Кировым портрет писателя, хотя, наверное, нелегко было запечатлеть на холсте живое, подвижное лицо, уловить на самом дне черных, чуть печальных глаз лукавую искорку.

Пока я включаю магнитофон, он спокойно сидит в кресле, не проявляя никаких признаков нетерпения, хотя я знаю, что время у него расписано по минутам. Он «отрабатывает» полный рабочий день, а в воскресенье, как и герои его книг, крестьяне из деревушек, прилепившихся к подножию Черказских гор, отправляется побродить с ружьем.

— В Черказские горы?

Напрасно искать это название в географическом атласе Болгарии, его придумал сам Й. Радичков. Но все, что происходит в этом забытом богом уголке, очень напоминает Ка-

лиманци — некогда бедное село в бывшей Берковичкой околице, где родился писатель.

«Калиманца — девяносто домов, 473 жителя, две водяные мельницы, один умалишенный, одна ворожея, один учитель и несчетное количество духов, привидений, леших», — так описывает в одном из рассказов Радичков родное село.

— В наше захламленное учителя попадали в ссылку, обычно за «политические грехи». Это были большей частью люди с передовыми, прогрессивными взглядами. В наших селах они пользовались огромным уважением и почетом. Бытовала пословица: «Не столько слушай родителя, сколько учителя». Почти все отцы и матери были неграмотными. «Для верующего настоятельная книга «Библия», а для вас «Как закалялась сталь», «Мужество», — говорил нам учитель литературы. Заметьте: и Николай Островский, и Вера Кетлинская были запрещенными авторами в фашистской Болгарии. Люди, которые читали подобные книги, преследовались полицией.

— Своими литературными вкусами, — продолжает Радичков, — я целиком обязан русской литературе. Она близка мне своей эмоциональностью, высокой нравственностью, глубоким проникновением в характеры, исследованием тонких движений человеческой души. С «Мертвых душ» и «Тихого Дона» началось мое знакомство с вашей литературой. С тех пор я не расстаюсь с книгами русских писателей. Особенно люблю перечитывать Гоголя...

Влияние этого русского классика своеобразно отразилось в произведениях писателя, полных чисто национального колорита.

— Я горжусь, что в моем крае антифашистское движение достигло широкого размаха, имело глубокие корни, уходящие в самые недра народной души, — говорит писатель.

— Калиманца находилась в восьми километрах от города Фердинанда, ныне Михайловграда, который испокон веков славилась своими революционными традициями, а во время антифашистского Сентябрьско-

го восстания в 1923 году стал крепостью повстанцев.

— Мой отец — участник этого восстания. В детстве я слышал песни, рассказы о героях Сентября, а когда началась вторая мировая война, по селам разнеслась молва о партизанах, и снова люди складывали легенды, песни о борцах Сопротивления.

Много лет спустя, когда Й. Радичков выпустил сборник под названием «Пороховой букварь», в основу его легли подлинные события. Он расскажет о пекаре, дяде Ангеле и его жене Василе, которые мечтали испечь такой каравай, чтобы накормить всех односельчан. Полицейские заживо сожгли их в булочной, где они прятали раненого партизана.

— Помню, как через село проходили части Советской Армии. Солдаты, загорелые, светловолосые, быстро «схватывали» болгарские слова, подробно расспрашивали, как выращивать виноград, овощи, как делать вино, вникали во все мелочи крестьянского быта. Видно, крепко соскучились по земле.

— Навсегда запомнилось мглистое сентябрьское утро, когда солдаты с песнями покидали село. После них остался ослабший хромой конь — ветеран, прошедший дорогами войны. Для меня эта израненная лошада стала символом войны.

Он еще не раз обратится к теме войны, в своих произведениях будет призывать людей оберегать «зеленое дерево жизни». Например, в «Попытке полета» — пьесе, которая идет сейчас на сценах многих театров, далеко за пределами маленькой Болгарии. В нынешнем сезоне Московский художественный театр пригласил болгарского режиссера Младена Киселова для участия в работе над этой постановкой.

Й. Радичков много и с удовольствием пишет для театра. Театр привлекает меня своей демократичностью, — продолжает он свой рассказ, — драматург может непосредственно по реакции зала убедиться, дошло ли его послание до зрителя.

Писателю хочется рассказать людям о своем отношении к происходящим в мире событиям.

— В глубине души каждый из нас, пишущих, убежден: людям необходимо знать, что я думаю об окружающем мире, узнать мое к нему отношение, и, если я не сумею поделиться с читателями своими мыслями, они многое потеряют, — утверждает он.

Й. Радичков начинал свой путь в литературе как репортер газеты «Народна младеж». Из его путевых очерков по Северу родилась книжка «Неосвещенные окна», в которую он вложил всю свою любовь к советским людям. Доставая с полки небольшой в желтой обложке томик, Й. Радичков с гордостью говорит:

— Даже если бы мне удалось написать только одну эту книгу, я считал бы, что родился не зря.

В свой последний роман, над которым я сейчас работаю, я собрал, как в «ноев ковчег» все, что знаю о жизни, о людях, все, что видел, скитаясь по свету. Кстати, и роман свой я назвал «Ной». Я много путешествовал: побывал не только в Советском Союзе — в Сибири и Якутии, но и в Индии, Канаде, Японии, США.

Мысли и чувства, владевшие писателем во время работы над этим романом, нашли отражение в новой пьесе «Корзины», уже поставленной в Софии режиссером М. Киселовым.

— «Корзины», — поясняет Радичков, — это тот же «ноев ковчег», в котором собрано все, что накопило человечество за время своего существования на планете. Это наша земля. Сохранить жизнь, спасти цивилизацию от разрушения — нет сейчас задачи важнее.

— Четыре года назад, — рассказывает писатель, — я побывал в США. Америка меня разочаровала. Я убедился воочию: все, что пишут великие американские писатели о трагедии этой страны, — правда. Стоит только попасть в районы, где живут эмигранты, «люди второго сорта». Наполовину стorerшие, разрушенные дома, зияющие черные дыры окон... Гарлем — квартал чернокожих. При въезде сюда белые плотно закрывают двери своих автомобилей. Я видел, как сжимались кулаки безработных нег-

ров, с какой ненавистью следили их глаза за передвижением нашей машины. Откуда им было знать, что внутри — болгарин, всей душой сочувствующий униженным гражданам Америки. Да, смелым мечтателям, покинувшим Старый свет, будущее Соединенных Штатов представлялось не таким.

— Мне, как и всякому человеку, выросшему в социалистической стране, свойственно стремление к справедливости, равенству, уважению к другим народам. В Штатах этого нет. Высокомерие, необоснованное чувство расового превосходства над неамериканцами заставляют правителей из Белого дома идти на вопиющие нарушения суверенности других народов, объявлять зоной жизненных интересов любые точки земного шара, сообразуясь со своими стратегическими планами.

— Была у нас раньше такая поговорка: «Когда в России дождь, Европа натягивает сапоги». Ныне мы все очевидцы довольно странного явления. Над Россией — ясно, нет там ни бурь, ни метелей, а Европа мало того, что забеспокоилась о сапогах, она торопится надеть на свою многострадальную голову солдатскую каску, натянуть серую солдатскую шинель. Администрация Рейгана стремится облачить поскорее Западную Европу в першингов штаны, объявив новый крестовый поход на Восток. Страшно, что судьба человечества в руках у безумцев...

Почти в каждой книге Й. Радичкова есть чудачки, охваченные одной страстью — поиском зарытого в земле золота.

Теперь, когда я думаю о писателе, слушаю его голос, записанный на магнитофонную ленту, он представляется мне кладоискателем, так же, как и его многочисленные герои, страстно увлеченным поисками. Только ценности, которыми Й. Радичков хочет поделиться, открыты всем людям, — вера в справедливость, в человеческий разум, в мир на земле, которые нужно беречь как самые дорогие сокровища.

М. КРУШИНСКАЯ,
корр. «Советской культуры».
СОФИЯ.